Значение личности в истории

УДК 930.85 (908)

Панин А.С.[1]

ОРУЖЕЙНИКИ, КУПЦЫ И КАПИТАЛИСТЫ: РОД ЛЯЛИНЫХ И ОРУЖЕЙНОЕ СОСЛОВИЕ ТУЛЫ В XIX ВЕКЕ

Южно-Уральский колледж бизнеса

Panin A.S.

GUNSMITHS, MERCHANTS AND CAPITALISTS: THE LYALINS' GENUS AND THE TULA CASTE OF GUNSMITHS IN THE XIX TH CENTURY

South Ural college of business

Аннотация. Автор на примере рода Лялиных рассматривает сословие тульских оружейников как уникальную «средневековую ремесленную корпорацию» объединённую общностью самосознания и культурных практик. Тульский некрополь, являясь историческим источником, дополняет представление о культуре XIX и городской повседневности дореволюционной России.

Ключевые слова: Тульские оружейники, ремесленная корпорация, общее самосознание, культурные практики, Тульский некрополь, городская повседневность.

Abstract. The author, on the example of Lyalins' genus, considers the Tula caste of gunsmiths as a unique «medieval craft corporation» united by a common identity of self-consciousness and cultural practices. The Tula necropolis as a historical source complements the idea of the culture of XIX and the urban daily life of pre-revolutionary Russia.

Keywords: Tula gunsmiths, handicraft corporation, general self-consciousness, cultural practices, Tula necropolis, urban daily life.

---

[1] Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, редактор Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых, преподаватель ЧУП ОО Южно-Уральский колледж бизнеса (г. Челябинск).

История оружейного сословия Тулы неотделима от истории города, в свою очередь сыгравшего немалую роль в истории страны. Городская повседневность может изучаться с разных сторон, тульский род Лялиных оставил заметный след в истории, обнаруживая своё присутствие в документах, исторических сочинениях, надгробных памятниках.

Надгробные памятники в общем контексте некрополей становятся уникальными историческими источниками. Надгробие исторического кладбища (некрополя) объединяет в себе эпиграфику, символико-семантический план и художественные особенности, позволяя существенно уточнить и дополнить наши представления о прошедшей эпохе.

Спасское (Зареченское, Оружейное) кладбище — второе городское и одно из старейших кладбищ города Тулы. Известное также как кладбище «На Горнах», «В Гончарах» или «Спаса-на-горе» оно возникает «по случаю чумы» страшного 1771 года, последствия которой в Москве были столь масштабны, что для их ликвидации был задействован лично генерал-фельдцейхмейстер, фаворит императрицы Екатерины II, Григорий Орлов (1734—1783). Возможно, что он также принимал участие и в организации новых городских кладбищ, в частности утверждал план кладбища для оружейников Тулы «с фасадом церкви» [0, с. 14].

После того как в августе 1772 года власти Тулы выделили в Оружейной слободе города (в Заречье) место для кладбища оружейников на его обустройство и постройку церкви потребовалась сумма в 1804 рубля. Интересно, что Оружейная канцелярия считала вполне возможным собрать эти деньги «с мастеровых ея ведомства, которых в Туле состоит почти половина» [0, с. 413]. Уже это мнение Оружейной канцелярии заставляет внимательнее взглянуть на «мастеровых ея ведомства» или иначе - оружейников Тулы. В соответствии с общепринятым словарным определением оружейник это «оружейный мастер, специалист по изготовлению оружия» [0, с. 458]. Однако способность тульских оружейников в короткий срок собрать сумму необходимую для обустройства кладбища и церкви делает привычные определения явно недостаточными.

Историк и культуролог, исследователь города как единого «социокультурного организма», Николай Павлович Анциферов (1889—1958) советовал «при изучении населения города… обратить внимание на совершенно особые городские участки — кладбища» [0, с. 115]. Для лучшего понимания «почти половины населения» Тулы мы вполне можем обратить внимание только на одну оружейную династию и лишь на один небольшой уча-

сток Спасского некрополя, представляющего собой «бесценный источник информации для историков и краеведов» [0, с. 30].

Недалеко от главной аллеи Спасского кладбища, ведущей к храму, расположен семейный участок купцов-благотворителей, потомственных почетных граждан города — Лялиных. Предположительно некрополь Лялиных изначально занимал площадь не менее 200 квадратных метров. Сегодня с уверенностью можно утверждать, что Лялиным принадлежит 14 надгробий на участке.

1. Лялина Александра Гавриловна (1808—1837), «тульская оружейница». Памятник-колонна, перебитая кубом, розовый гранит.

2. Лялин Яков Алексеевич (9.10.1809 — 31.08.1869), тульский почётный гражданин. Промышленник самоварщик, торговавший «на правах купца 2-ой гильдии». Саркофаг, габбро.

3. Девица Лялина. Саркофаг, белый камень.

4. Лялин Алексей Максимович (?— 28.04.1839), оружейник. Умер в возрасте 62 года. Колонна, перебитая кубом, габбро.

5. Лялин Яков Васильевич (? — 27.09.1850), оружейник и бургомистр. Умер в возрасте 36 лет. Саркофаг, габбро.

6. Лялин Николай Алексеевич (? — 11.01.1851), оружейник. Умер в возрасте 39 лет. Саркофаг, габбро.

7. Младенец Александр Лялин (ум.1818), саркофаг, белый камень.

8. Лялин Митрофан Родионович (5.03.1836 — 14.07.1896), тульский купец. Часовня, габбро.

9. Лялин Иван Родионович (? — 28.08.1913). Умер в возрасте 74 года. Надгробие-крест на голгофе, габбро.

Еще несколько надгробий находящихся на участке Лялиных — один жертвенник и четыре гранитных саркофага, опрокинутые текстом вниз, — долгое время оставались неизученными.

В ходе научно-исследовательской работы проводимой на Спасском кладбище Тульским историко-архитектурным музеем (отдел «Тульский некрополь») было поднято два саркофага и выявлены погребения Лялина Ивана Васильевича (1815 (?) — 1860) [в 2014 г.] и Лялина Василия Максимовича (1777—1831) [в 2015 г.].

Имя Василия Максимовича Лялина (1777—1831) в первой половине XIX века было широко известно — вместе с именем его брата. Так российский учёный Иосиф Гамель (1788—1862) в 1826 году в списке 48-ми тульских оружейников, которым «разрешалось иметь собственные фабрики», называет оружейников «цеха белого оружия» братьев Алексея и Василия Максимовичей Лялиных. У них было предприятие «для приготовления самоваров, палатных замков, задвижек, петлей и для уборки ружей» [0, с. 68]. Писатель-мемуарист и гвардейский офицер Иван Жиркевич (1789—1848) называет братьев уже не просто оружейниками, но капиталистами. «Лялины Алексей Максимович и Василий Максимович — тульские оружейники и капиталисты. В 1826 году имели фабрики по изготовлению самоваров и деталей холодного оружия» [0, с. 601]. В одном из документов Василий Максимович Лялин также называется «тульского оружейного цехового разряда» бургомистром (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1 Д. 13. Л. 11). Оружейники, капиталисты и бургомистры братья Лялины во всём действовали сообща.

Чаще все же упоминается Алексей Максимович Лялин (1778 (?) — 1839). «Алексей Максимов Лялин (Жена Акулина Иванова), штыковой молотобоец, за себя нанимает рабочего, платит в год 70 руб., торгует, имеет фабрику по производству палатных замков, самоваров, столовой посуды, уборки ружей. Имеет капитал до 25 тысяч рублей. Его сыновья не производят оружие, нанимают [рабочих, платят] по 50 руб. в год» [0, с. 83]. В советское время писали: «Оружейник цеха белого оружия Алексей Максимович Лялин имел фабрику для изготовления самоваров, палатных и других замков и “для уборки ружей” и в 1812—1816 гг. поставил по заказу правительства 13 тыс. огнестрельного и 10 тыс. холодного оружия, за что был награжден серебряной медалью» [12, с. 152].

Надгробные памятники отчасти позволяют объяснить причину, почему из двух братьев чаще упоминается только один — срок жизни братьев был неодинаков. На Спасском кладбище Тулы к востоку от храма во имя Нерукотворного образа Спасителя находится памятник — колонна перебитая кубом. Текст гласит: «Под сим камнем по / гребено тело оружейника / Алексея Максимовича / Лялина / скончавшегося 1839 года апреля / 28 дня на 62 году от рождения». Здесь же эпитафия: «В земле на коей камень сей/похоронен раб божий Алексей / вот из палат, где вздум / ал поселится / ему только жить и веселиться / какая жизнь его при старости [была] / покойна и для всех мила (?)». Судя по датам, на этом и изученном в 2015 году надгробиях, Алексей Максимович Лялин

на 8 лет пережил своего брата. Данные надгробий вполне соотносятся с данными письменных источников, а имеющиеся погрешности — с реальной практикой повседневной жизни. «Василий и Алексей Максимовичи Лялины умерли, как значится по метрическим книгам церкви нашей [Христорождественской — то есть во имя Рождества Христова (Николо-Зарецкий храм)] первый 14 декабря 1831 года, а последний 26 апреля 1839 года…» (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1 Д. 13. Л. 17).

Василий Максимович Лялин, как и его брат, относился к оружейникам «цеха белого оружия». О нём остались следующие сведения: «Василий Максимов Лялин (жена Анна Петрова), шпажный молотобоец, не работает, за себя нанимает. Его сыновья молотобойцы, [за себя] нанимают [рабочих, платят] по 40 и 50 рублей в год» [4, с. 83]. Однако он также был одним из тех крупных предпринимателей, которые поставили русской армии одну треть «всего изготовленного подрядом оружия в 1812 году» [2, с. 103]. Тульский историк и краевед Вадим Николаевич Ашурков (1904—1990) приводит более точную цифру произведённого на фабрике принадлежавшей братьям оружия с 1812 по 1816 годы — огнестрельного 12298 штук, белого — 42330 [2, с. 104—105]. При этом он сообщает, что на фабрике «оружейников-капиталистов» Лялиных всё это время трудилось лишь 9 рабочих [2, с. 104—105]. «Оружейники-фабриканты» были, прежде всего, скупщиками готовой продукции и организаторами «капиталистической работы на дому» [2, с. 150]. Но, несмотря на то, что тульские оружейники в XIX столетии делились на «первостатейных» и «скудных» они продолжали оставаться единым «средневековым ремесленным сословием наделёнными определёнными правами и привилегиями восходящими в своей основе ещё к XVII в., которые однако оставались почти неизменными и всё дальнейшее время…» [2, с. 35]. Также общим для всех оружейников, вероятно, были и внутренняя духовная жизнь, жизненные установки, культурные практики, мировоззрение.

Василий Максимович Лялин оставил своим детям солидный капитал, который «сыновья-молотобойцы», действующие по традиции сообща, смогли преумножить. Его сын Лялин Иван Васильевич (1815 (?) — 1860) вместе с братом приобрёл известность в Туле во второй половине XIX века.

Интересны пути приумножения капитала «оружейниками-фабрикантами» — судя по всему, они были не только скупщиками оружия и организаторами капиталистического

производства. Так очередное поколение братьев Лялиных немало способствовало благосостоянию Тульской евангелическо-лютеранской общины (ТЕЛЦ).

Лютеранский приход в Туле существовал, по меньшей мере, с начала XIX века. В это время необходимая для богослужений кирха находилась в доме, который вместе с аптекой попеременно занимали аптекари К.А. Крафт, Ф.В. Лейкгер (Лейкер), К.Е. Генцель (Генцельт) [11]. Получить разрешение на строительство отдельного здания церкви-кирхи долго не удавалось. Считается, что в 1857 году статский советник Бодиско пожертвовал Тульской евангелическо-лютеранской общине два дворовых места по улице Миллионной. Одно из этих мест и было отдано под кирху, другое под пасторский дом. Как об этом сообщается в работе тульских авторов «работы велись при поддержке видных тульских оружейников — командира ТОЗа генерал-майора Карла Карловича Стандершельда и полковника В.В. Бракеля..., а также на пожертвования прихожан…» [0, с. 49—50].

При этом никак не оговаривается тот факт, что улица Миллионная (современная Октябрьская) это оружейная слобода Тулы, а в XIX веке существовал недвусмысленный запрет — «…поселившимся в оружейных слободах, всякого сословия людям, не позволяется продавать или закладывать своих домов кому-либо другому, кроме оружейников» [3, с. 85].

Как будто статский советник Бодиско обошёл запрет, даря «своему приходу с согласия его два дворовые и огородныя смежные между собой места» (ГАТО Ф. 297. Оп. 1. Д. 97. Л. 8). Однако на деле тульские лютеране получали не просто часть лично принадлежащему статскому советнику огорода. В 1857 году «на местах, которые дарит Лютеранскому приходу Статский советник Бодиско, уже находится дом [деревянный на каменном фундаменте] и в этом доме предполагается собираться лицам Евангелического исповедания для молитвы…» (ГАТО Ф. 297. Оп. 1. Д. 97. Л. 4).

Что ещё интереснее, и дом, намеченный для молитвенных собраний, и огород находились в собственности статского советника Эдуарда Николаевича Бодиско совсем недолго. Эдуард Николаевич приобрёл два скромных «смежных между собой места» только в 1856 году, «июня 12 дня», у одного из «видных тульских оружейников» Владимира Владимировича Бракеля[1]. Последний в свою очередь был собственником двух переходящих земельных участков чуть более полугода[1].

[1] И Бодиско Э.Н. и Бракель В.В. были лютеранами и, вероятно, в одно время служили на Тульском оружейном заводе (ТОЗ). Известно, что Владимир Владимирович Бракель в начале 1860-х гг. был помощни-

Не далее как в «ноября десятый день» 1855 года «тульские оружейники Максим и Иван Васильевы Лялины продали… артиллерии полковнику Владимиру Владимирову Бракель… доставшееся… по наследству после смерти родителя нашего оружейника Василия Максимова Лялина два смежных между собою дворовых и огородных места, состоящих в городе Туле на Оружейной стороне на Миллионной улице в 12 квартале под №№ седьмым и восьмым…» (ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 97. Л. 10).

Иван Васильевич Лялин продал «означенные дворовые места» «вместе с братом» и на двоих с артиллерийского полковника «серебром триста рублей получил» (ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 97. Л. 10—11). Кое-где в документах, мимоходом, упоминается некое строение, присутствующее на продаваемом земельном участке. Однако цена во всех сделках остаётся неизменной.

Передать доставшиеся от тульских оружейников «два дворовых места по улице Миллионной» тульским лютеранам, оказалось непросто даже для статского советника (а это несколько выше полковника) — возможно, мешал тот факт, что Эдуард Николаевич как будто не являлся жителем Тулы («в городовую обывательскую книгу г. Бодиско не записан…») (ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 97. Л. 16). Подготовка необходимых бумаг тянулась два года (с 1857 до 1859), но ещё до юридического оформления акта дарения непонятное строение «на двух смежных местах» превращается в «деревянный молитвенный дом принадлежащий Лютеранскому обществу в г. Туле» (ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 92). Уже в 1857 году этот дом вполне отделан и пригоден для богослужений.

Недорого доставшийся лютеранам дом был деревянным, на каменном фундаменте, снаружи обшит тёсом, внутри оштукатурен и окрашен. К разряду «мебель и принадлежности» относились: алтарь «оклеенный ясеневыми полированными фанерами с резным украшением, в готическом стиле из ясеневого дерева и полированный»; орган «полного оркестра в 5 октав в корпусе из красного дерева с педалью и механизмом нового устройства»; тридцать одна скамейка разного размера; кафедра с возвышением. Также присутствовали шкаф для хранения утвари, стулья, диван с «подушкою американской зелёной кле-

ком по хозяйственной части командира ТОЗ Карла Карловича Стандершельд (1814—1885). Эдуард Дмитрий Павел Николаевич фон Бодиско (1806—1870) какое-то время исполнял должность адъютанта инспектора оружейных заводов Евграфа Евграфовича фон Штаден (1774—1845), был женат на его дочери.

[1] Бракель В.В., скорее всего туляком не был. Дворянский род Бракель (фон Бракель) известен в Прибалтике. Известно, что Бракель Владимир Владимирович, капитан, был награждён 26 ноября 1848 года орденом Святого Георгия IV класса. Возможно — участник похода русских войск в Молдавию и Валахию.

ёнки», стол «перед диваном», таблицы деревянные «с резными украшениями» и часы стенные в корпусе без гирь с циферблатом и боем (ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 92. Л. 3—3об.). И стоило всё это описанное строение «с местом, мебелью и принадлежностью» 7 900 рублей (ГАТО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 92. Л. 4). Что заставляет предполагать осведомлённость тульских оружейников Лялиных о характере сделки, дающей возможность «собираться лицам Евангелического исповедания для молитвы», как и то, что за её совершение они получили несколько больше, чем упоминающиеся триста рублей серебром.

Рискованные сделки с недвижимостью у Лялиных, вероятно, были чем-то семейным. Примерно в то же время когда лютеране Тулы обзаводились кирхой, полиция Тулы вела дело о неправомерной продаже домов на оружейной стороне. Как уже отмечалось выше, с 1799 года существовало предписание «чтобы оружейники и другого звания люди владеющие в городе Туле домами на Оружейной стороне продавали и закладывали свои дома одним лишь оружейникам» (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л.1 об.).

Несмотря на официальное предписание, Тульским приказом общественного призрения с 1812 по 1822 годы были выданы ссуды под залог шести домов на Оружейной стороне (Стрекопытову, Гнидину, Скопинцеву, Бабякину, Самсонову и Жижину). После того как в назначенный срок ссуда не была возвращена и проценты не выплачены, дома были «проданы с публичных торгов» (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1 Д. 13. Л. 27).

Однако вырученная на торгах сумма так и не смогла покрыть понесённых Приказом общественного призрения убытков — и не удивительно. Так, например, оружейнику Спиридону Бабякину под залог его дома, оценённого в 35 тысяч рублей, 21 марта 1819 года было выдано из приказа 12 500 рублей. Но для продажи этот же дом был оценён в 4 500 рублей и продан «на аукционном торге» за 6 735 рублей (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1 Д. 13. Л. 22об. — 23). Во всех случаях оценку дома производили одни и те же люди. Среди прочих — братья Лялины. Уже в 1871 году Тульское полицейское городское управление производило взыскание назначенной судом суммы с нового поколения братьев — Николая Павловича и Михаила Павловича Лялиных «за неправильную оценку… Алексеем и Василием Максимовичами Лялиными домов оружейников: Скопинцева, Бабякина и Самсонова…» (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1 Д. 13. Л. 18). К этому времени и Алексей, и Василий Лялины, и даже дети последнего были уже мертвы.

Почетный оружейник Максим Васильевич Лялин умер 17 августа 1858 года, как это видно из текста изученного в 2014 году надгробия Лялина Ивана Васильевича, брат пережил его ненадолго (умерев в 1860 году, «февраля 9-го дня»). Однако он успел получить в наследство немалое состояние. Духовное завещание, имея преимущественное отношение к погребально-поминальной тематике, может быть и источником по истории рода Лялиных. Только пожертвований, не имевший детей Максим Васильевич завещал «родному брату своему почётному оружейнику Ивану Васильевичу Лялину внести: в приходскую Христорождественскую, на Оружейной стороне г. Тулы церковь на устройство нового иконостаса в Нижней настоящей Николаевской церкви 3 000 р[ублей], на вечное поминовение его с сродниками для причта той же церкви 2 000 р[ублей], по прошествии двух лет на построение нового собора во имя Богоявления господня [Богоявленский собор в кремле] 5 000 р[ублей], на построение нового храма во имя Донской Божьей матери в Чулкове выдать в течение 2 лет 2 000 р[ублей], на построение колокольни при Всесвятской кладбищенской церкви выдать по прошествии двух лет 2 000 р[ублей], на украшение церквей Тулы Спасокладбищенской и Дмитриевской кладбищенской же выдать в каждую по 500 р[ублей], в духовный Детский приют для выдачи в замужество девиц духовного звания 1 000 р[ублей] деньги эти должны быть внесены по прошествии года…» (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 5. Л. 16—16 об.).

Иван Васильевич Лялин, согласно завещанию покойного брата, в октябре 1859 года внёс 1000 рублей на строительство Донской церкви в Чулкове. Более никаких денег никуда от него не поступало [0, с. 70]. Уже в феврале 1860 года он умер, «жития его было» 45 лет 3 месяца и 22 дня. По оставленному духовному завещанию уплатить «максимовы деньги» теперь должен был «его наследник, оружейник Яков Алексеевич Лялин, двоюродный брат его, Ивана и Максима» [0, с. 70].

Чтобы получить «максимовы деньги» духовная власть была вынуждена обратится за помощью к полиции, дело о выплате «по духовному завещанию» тянулось до 1866 года и едва не кончилось описью имущества Якова Алексеевича Лялина (1809—1869). При этом Яков Алексеевич, почётный оружейник, торгующий на правах купца 1-ой гильдии (в 1864 году он стал полноправным купцом) вовсе не отказывался жертвовать на тульские храмы и способствовать «выдаче в замужество девиц духовного звания». Он только предполагал жертвовать деньги «по возможности», «на тот конец чтобы при отдаче всех вдруг

денег не расстроить торговых моих с другими наследниками оборотов» (ГАТО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 5. Л. 19). Большая часть капиталов «почётного оружейника» Якова Алексеевича Лялина (вероятно также как и его братьев Ивана и Максима) находилась в ценных бумагах. «Первостатейные» тульские оружейники Лялины оказывались не только капиталистами и не просто купцами, но и полноправными участниками рынка ценных бумаг.

Судя уже по надписям на надгробиях Лялиных, они также активно участвовали в общественной жизни Тулы, многие были почётными гражданами, Лялин Яков Васильевич (1814(?) — 1850), был бургомистром (то есть председателем цехового разряда). Однако интереснее другое. На всех упомянутых памятниках погребенные, прежде всего, характеризуются как оружейники (или «аружейником» как Василий Максимович Лялин). В своё время, отмечая внутреннее единство разнохарактерного оружейного населения Тулы, В.Н. Ашурков называет тульских оружейников не просто сословием или классом но «привилегированной ремесленной корпорацией» [0, с. 139]. Вероятно на английский язык это вполне можно перевести как «каста».

Мы можем сделать вывод, что единство этой «средневековой ремесленной корпорации» строилось на общности самосознания - вне зависимости от уровня благосостояния и «оружейник-капиталист» Василий Максимович Лялин, и ловко торговавший недвижимостью его сын Иван Васильевич Лялин считали себя, прежде всего, оружейниками.

Надгробия старых кладбищ это не просто вещественные памятники ушедшей эпохи, за ними всегда стоят определённые культурные практики. Комплексное изучение надгробных памятников в контексте исторических кладбищ (некрополей) даёт возможность по-новому взглянуть на особенности повседневной и духовной жизни населения города, дополняет представление о городской повседневности.

Участок, где некогда погребались оружейники, купцы и капиталисты Лялины сегодня заброшен, он привлекает только компаний отдыхающих и одиноких исследователей некрополей. Но надгробные памятники по-прежнему рассказывают о прежней, оружейной Туле, где принадлежность к ремесленной корпорации ценилась больше, нежели личное материальное благосостояние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 274. Оп. 1. Д. 5, 13; Ф. 297. Оп. 1. Д. 92, 97.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анциферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926.

2. Ашурков В.Н. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII — первой четверти XIX веков // Ашурков В.Н. Избранное. История Тульского края: Статьи и очерки. Тула, 2003.

3. Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении: с планами и изображениями оружия и машин на 42 л. М., 1826.

4. Дзиговская Л.Н. «Многопрофильные» Лялины: первые поколения // Бизнес-журнал. 2016. № 10 (111).

5. Дзиговская Л. Н. Спасское и Димитриевское кладбища // Тени старинного кладбища — Зареченский и Чулковский некрополь в Туле. Тула, 2012.

6. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—1848. М., 2009.

7. Иванов А., прот. Тульские кладбищенские церкви (Из Тульских губернских ведомостей 1859-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Сб., сост. под ред. Н.И. Троицкого и Ю.В. Арсеньева. Тула, 1888.

8. Кириленко Н. По страницам архива Тульской духовной консистории // Тульский краеведческий альманах. 2012. Вып. 9.

9. Князева О.А., Солодова Т.С. Тульская евангелическо-лютеранская община. Лютерано-католический участок тульского Всехсвятского кладбища // Немцы Тульского края: страницы биографий. Тула, 2007.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов. М., 1991.

11. Панин А.С. «Дом Крафта» и аптекарское дело в Туле в конце XVIII — первой трети XIX вв. // История. Историки. Источники. 2016. № 3. Режим доступа: history2014.esrae.ru/12-69 (дата обращения: 08.07.2016).

12. Тула. Памятники истории и культуры. Путеводитель. Тула, 1973.

REFERENCES

1. Anciferov N.P. Puti izuchenija goroda, kak social'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podhoda. L., 1926.

2. Ashurkov V.N. Tul'skie oruzhejniki i ih klassovaja bor'ba v XVII — pervoj chetverti XIX vekov // Ashurkov V.N. Izbrannoe. Istorija Tul'skogo kraja: Stat'i i ocher-ki. Tula, 2003.

3. Gamel' I. Opisanie Tul'skogo oruzhejnogo zavoda v istoricheskom i tehniche-skom otnoshenii: s planami i izobrazhenijami oruzhija i mashin na 42 l. M., 1826.

4. Dzigovskaja L.N. «Mnogoprofil'nye» Ljaliny: pervye pokolenija // Biznes-zhurnal. 2016. № 10 (111).

5. Dzigovskaja L. N. Spasskoe i Dimitrievskoe kladbishha // Teni starinnogo klad-bishha — Zarechenskij i CHulkovskij nekropol' v Tule. Tula, 2012.

6. Zapiski Ivana Stepanovicha ZHirkevicha. 1789—1848. M., 2009.

7. Ivanov A., prot. Tul'skie kladbishhenskie cerkvi (Iz Tul'skih gubernskih ve-domostej 1859-go goda) // Svjatye hramy goroda Tuly. Istoriko-statisticheskoe opisanie. Sb., sost. pod red. N.I. Troickogo i JU.V. Arsen'eva. Tula, 1888.

8. Kirilenko N. Po stranicam arhiva Tul'skoj duhovnoj konsistorii // Tul'skij kraevedcheskij al'manah. 2012. Vyp. 9.

9. Knjazeva O.A., Solodova T.S. Tul'skaja evangelichesko-ljuteranskaja obshhina. Ljuterano-katolicheskij uchastok tul'skogo Vsehsvjatskogo kladbishha // Nemcy Tul'skogo kraja: stranicy biografij. Tula, 2007.

10. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka: 70 000 slov. M., 1991.

11. Panin A.S. «Dom Krafta» i aptekarskoe delo v Tule v konce XVIII — pervoj treti XIX vv. // Istorija. Istoriki. Istochniki. 2016. № 3. Rezhim dostupa: history2014.esrae.ru/12-69 (data obrashhenija: 08.07.2016).

12. Tula. Pamjatniki istorii i kul'tury. Putevoditel'. Tula, 1973.

Рецензент:

Овчинников Д.А., канд. пед. наук, директор научно-методического центра АНО ВО Институт законоведения и управления ВПА (г. Тула).